

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 811

doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-111-118

ФРЕЙМОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ВРЕМЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

© *Мария Александровна Алексеева*

Армавирский педагогический университет, г. Армавир, Россия

mariaalex1994@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты фреймового моделирования концепта ВРЕМЯ в художественном дискурсе на основе данных Национального корпуса русского языка. Выявлена и описана его трехуровневая структура, включающая субфреймы «Линейное время», «Циклическое время» и «Субъективное время». Установлено, что слоты субфреймов находятся в тесном взаимодействии, а их лексическое наполнение эксплицирует как универсальные свойства времени, так и его субъективно-оценочное восприятие, характерное для художественного дискурса.

Ключевые слова: концепт ВРЕМЯ, художественный дискурс, фреймовая модель времени, субфреймы, слоты, корпусный подход.

Для цитирования: Алексеева М.А. Фреймовое моделирование концепта ВРЕМЯ в художественном дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 115. № 2. С. 111-118. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-111-118

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Frame modeling concept of the TIME in literary discours

© *Maria A. Alexeeva*

Armavir Pedagogical University, Armavir, Russian Federation

mariaalex1994@yandex.ru

Abstract. The results of frame modeling of the concept of TIME in literary discourse based on data from the Russian National Corpus are presented. Its three-level structure is revealed and described, including the subframes “Linear Time”, “Cyclic Time” and “Subjective Time”. It is established that the slots of the subframes are in close interaction, and their lexical content explicates both the universal properties of time and its subjectively evaluative perception, characteristic of literary discourse.

Key words: concept of the TIME, literary discourse, frame model of time, subframes, slots, corpus-based approach.

For citation: Alekseeva M.A. Frame modeling concept of the TIME in literary discourse. *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 115. No 2. P. 111-118. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-111-118

Введение

В современной лингвистической науке интерес к изучению особенностей концептуализации и языковой репрезентации феномена времени как фундаментальной и универсальной категории не ослабевает, что подтверждается многочисленными исследованиями последних лет. Внимание ученых в данных исследованиях сфокусировано на изучении различных аспектов времени. Темпоральный код русского языка, объективирующий разные аспекты понятийной категории времени, исследуется Е.Н. Широковой [16]. Лексический темпоральный дейксис в когнитивных моделях времени на материале современных английского и немецкого языков рассмотрен в статье К.К. Кашлевой [6]. В исследовании О.В. Бронниковой описана структура модусного метаконцепта ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках; раскрыты когнитивные и языковые механизмы формирования темпоральных смыслов [3].

Будущее время как субкатегория темпоральности исследуется Е.В. Боднарук [2]. Применение семантико-прагматического и функционально-дискурсивного подходов позволило автору раскрыть механизм восприятия будущего времени и описать особенности его актуализации в художественном дискурсе на материале английского и немецкого языков. Художественные тексты, несомненно, являются важнейшими источниками для понимания культурно-специфического восприятия и концептуализации времени, что нашло свое отражение в исследованиях. Работа Е.В. Макаровой посвящена систематизации и анализу средств репрезентации лексического и грамматического времени в поэтических текстах Б. Пастернака [8].

В исследовании Ю.Ю. Клыковой представлены результаты исследования ментальных, образно-ассоциативных и эмотивно-оценочных средств репрезентации художественного концепта «время» в поэтическом дискурсе на материале русского и немецкого языков [7]. Грамматические презентации темпоральности в художественном дискурсе И.А. Бунина проанализированы в работе Т.В. Малинской. Автор отмечает, что «темпоральные синтаксемы со значением утренней и вечерней части суток участвуют в формировании художественного времени в произведениях И.А. Бунина и являются важной характеристикой идиостиля писателя» [9]. Следует отметить, что, несмотря на такое многообразие лингвистических работ по исследованию феномена времени, все еще остаются вопросы, которые требуют своего решения.

Актуальность данного исследования обусловлена системным изучением средств вербализации концепта ВРЕМЯ в художественном дискурсе, которое осуществляется на стыке двух подходов. Во-первых, это фреймовый подход, где фрейм понимается как структура для представления стереотипной ситуации [11, с. 7] и модели для измерения и описания знаний, хранящихся в памяти людей [4], что позволяет смоделировать концепт ВРЕМЯ как иерархию субфреймов и слотов. Во-вторых, это корпусный подход, который обеспечивает объективность анализа, поскольку даёт возможность «изучать действительно существующие в языке, а не мнимые явления» [13, с. 17]. Сочетание этих подходов позволяет выявить и описать корреляцию между языковыми и когнитивными механизмами в процессе интерпретации авторских смыслов, репрезентирующих феномен времени в художественном дискурсе.

Цель исследования заключается в структурировании содержания концепта ВРЕМЯ в художественном дискурсе в виде фреймовой модели на основе корпусных данных. Материалом послужили примеры из текстов классической и современной художественной прозы, отобранные из подкорпуса художественных текстов «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) [12]. В качестве лексикографического источника для анализа синонимических рядов был использован словарь синонимов З.А. Александровой [1].

В ходе исследования использованы методы концептуального анализа и фреймового моделирования концепта ВРЕМЯ в художественном дискурсе, а также методы корпусных исследований. Алгоритм исследования базируется на анализе существующих теоретических исследований по проблеме классификации моделей времени; лексикографическом анализе ключевых лексем, вербализующих концепт ВРЕМЯ в русском языке; выявлении коллокаций ключевых лексем на основе анализа корпусных данных; составлении списка конкордансов выявленных коллокаций ключевых лексем; моделировании концепта ВРЕМЯ в виде фреймово-слотовой структуры и описания лексического наполнения выделенных субфреймов и слотов.

Новизна исследования состоит в том, что на обширном корпусном материале методами фреймового анализа выявлена и описана трехуровневая структура концепта ВРЕМЯ в художественном дискурсе, установлена взаимосвязь его когнитивных субфреймов («Линейное», «Циклическое», «Субъективное» время) с лексическими средствами вербализации, эксплицирующими как универсальные, так и субъективно-авторские смыслы.

Обсуждение

В построении фреймовой модели структуры концепта ВРЕМЯ мы основывались на существующих в лингвистических исследованиях теоретических и практических результатах типологии моделей времени, предполагающей хронологическое время, релятивное время, эгоцентрическое время [4]; физическое время, духовное время [14]; динамическое или стати-

ческое [17, с. 17; 6] возрастное время, линейное время, физиологическое время, циклическое время, метрическое время, время-рефлексию [15]; реальное и перцептуальное дискретное время [10] и др.

На основе тематической связи с ядерной лексемой *время* был составлен список частотных лексем-репрезентантов, включающий абстрактные понятия (*вечность, эпоха, момент*), конкретные единицы измерения (*год, день, час*), а также обозначения темпоральных периодов (*прошлое, весна, утро*). Дальнейший анализ их устойчивых сочетаний в художественных текстах позволил выявить повторяющиеся семантические и когнитивные признаки. Эти признаки легли в основу категоризации и структурирования материала, что в итоге определило архитектуру фреймовой модели концепта ВРЕМЯ в художественном дискурсе. Структурная модель изучаемого концепта может быть представлена в виде фрейма «Время», в виде иерархии субфреймов и слотов.

Субфрейм 1 «Линейное время» представлен тремя слотами: «необратимость времени», «непрерывность времени», «историческое время». Неповторимость, уникальность и необратимость жизненных явлений и процессов репрезентируется линейным временем.

Слот «**Необратимость времени**» актуализируется лексическими единицами, выражающими однонаправленное движение времени из прошлого в будущее и идею невозможности возврата, например: *прошлое не воротитишь, годы летят, молодость уходит, часы жизни сочтены, канувшее в вечность* и др., а также лексемами, непосредственно связанными с финальностью (*смерть, старение, утрата*). Рассмотрим пример: *И все. Это прошлое нельзя взять в настоящее. Ирина не может позвать его в свою жизнь, потому что у нее нет своей жизни* [12]. В приведённом контексте прошлое объективируется как физический объект, который невозможно переместить в иную временную точку (*в настоящее, в свою жизнь*). Идея необратимости и блокирования действия эксплицитно передаётся грамматикой отрицания (*нельзя, не может*) и лексемами с семантикой отсутствия (*нет жизни*). Конструкция «*прошлое нельзя взять в настоящее*» обладает высокой степенью категоричности. Во втором предложении мысль не только дублируется, но и усиливается через связь с экзистенциальной проблемой персонажа (*нет своей жизни*), что подчёркивает абсолютную невозможность возврата времени как причину личной драмы.

Слот «**Непрерывность времени**» вербализуется лексическими единицами, репрезентирующими время как непрерывный линейный поток, в котором события и интервалы закономерно сменяют друг друга. К числу таких единиц относятся существительные, номинирующие временные отрезки в их последовательности (*прошедшее, будущее, завтра, сегодня*); глаголы с семантикой однонаправленного движения и закономерной смены (*лететь, идти, наступать, сменяться*); устойчивые выражения и метафоры потока (*время летело своим чередом, течение времени, часы сменялись часами*). Например: *Как следует, на завтра же все о нем позабыли; время летело меж тем своим чередом, часы сменялись часами, день другим* [12]. На непрерывность времени в данном примере указывают лексические единицы, актуализирующие время как неразрывный поток, где дискретные единицы (*часы, день*) сливаются в непрерывность (*часы сменялись часами, день другим*). Выражение *время летело... своим чередом* подчёркивает непрерывность, закономерность течения времени. Создается эффект монотонного, неумолимого движения времени вперед, где единица времени неизбежно сменяет другую. Глагол *летело* и последовательность смены единиц времени четко указывают на движение вперед независимо от событий (*все о нем позабыли*), т.е. время *течет своим чередом* и не зависит от людей и от их памяти.

Если слоты «Необратимость» и «Непрерывность» раскрывают абстрактно-философские свойства линейного времени, то слот «**Историческое время**» актуализирует время, связанное с конкретными историческими эпохами, событиями, социальными процессами. Данный слот реализуется сочетаниями, репрезентирующими время в художественном дискурсе через призму исторических событий: *эпоха Возрождения, эпоха Леонардо да Винчи и Ньютона, закат Леонида Ильича, во времена Петра Первого, во времена наполеоновских*

войн, эра спутников и др. Кодификация исторического времени может осуществляться через детали быта, свойственные описываемому периоду, особенности идеологии, реалии культурной и социальной жизни, а также через специфику взаимодействия персонажей и среды, например: *А сейчас у меня ощущение, что я могу стоять у окна президента Никсона, стучать в это окно, а президент меня все равно не услышит*, – сказала одна молодая женщина, бывшая студенткой во времена Кеннеди [12]. В данном примере историческое время репрезентируется именами собственными *Никсон, Кеннеди*, которые маркируют определенные периоды истории США. Номинация социального статуса *бывшая студенткой* указывает на поколение, чья молодость пришлась на *времена Кеннеди* (Кеннеди – символ надежд 1960-х). А период правления Никсона символизирует отчужденную власть, до которой нельзя достучаться (*президент меня все равно не услышит*).

Таким образом, в художественном дискурсе историческое время репрезентируется не только через прямое именование эпох и событий, но и через призму индивидуального и коллективного опыта, деталей быта, идеологии и социальных отношений, характерных для конкретного периода.

Субфрейм 2 «Циклическое время» репрезентирует время как повторяющуюся последовательность фаз, процессов, событий или периодов. Данная модель вербализуется лексикой, обозначающей повторяемость (*снова, опять, каждый день*), цикличность (*по кругу, на круги своя*) и вечное возвращение (*из года в год, из века в век*). В художественном восприятии время предстает в виде круга или спирали, где прошлое возвращается к исходной форме, а будущее – это повторение пройденных этапов цикла. Цикличность времени часто символизирует естественный порядок, стабильность и связь с вечностью. Данный субфрейм состоит из двух слотов – «повторяемость и последовательность циклов», «бесконечность циклов».

Слот «**Повторяемость и последовательность циклов**» актуализируется лексическими единицами, указывающими на восприятие времени как непрерывной последовательности повторяющихся циклов. Это могут быть суточные, сезонные, жизненные, исторические или мифологические циклы: *из года в год, изо дня в день, из века в век, каждый день/год/час, вновь, Новый год, Рождество, Пасха, из века в век, день за днем, каждую весну, по понедельникам* и др. Например: *Встряхивай, не встряхивай – ничего не изменится, все вернется на круги своя: будет ползать и шарить, бормотать под нос, стоять одной ногой в канаве, опрокидывать экспонаты в музеях и срывать тщательно подготовленные и продуманные операции...* [12]. В данном примере время представлено как неизбежный цикл судьбы. Библейское выражение «*всё вернется на круги своя*» служит культурно значимым маркером циклической модели судьбы/времени. Грамматическая форма будущего времени (*будет ползать...*) проецирует эту циклическую закономерность в перспективу, подчеркивая её неотвратимость и вневременной характер.

Цикличность времени характеризуется строгой последовательностью сменяющих друг друга фаз, воспринимаемой как замкнутый круг, актуализируется лексическими единицами, указывающими на восприятие времени в виде циклов, состоящих из следующих друг за другом в неизменном порядке фаз (*рассвет-день-закат-ночь; весна-лето-осень-зима; рождение-зрелость-старость-смерть-возрождение*). Например: *Дни слагались в недели, месяцы, осень сменяла лето, зима осень, весна зиму* [12]. В данном примере репрезентация естественного, неспешного течения времени воспринимается через смену сезонов. Природные циклы перечислены *не в каноническом порядке, а в порядке смены (осень сменяла лето, зима осень, весна зиму)*, что подчеркивает неизбежность и предсказуемость годового круга.

Слот «**Бесконечность циклов**» актуализирует идею о том, что любой временной цикл является звеном в бесконечной цепи возобновления. Конец одного периода трактуется не как финал, а как необходимое условие и точка перехода к новому началу (*упадок – подъем, смерть – жизнь, тьма – свет*). В художественном дискурсе эта идея часто обретает сакрально-мифологический или экзистенциальный смысл, символизируя вечное обновление бытия. Данный слот вербализуется лексическими оппозициями, репрезентирующими смену фаз

(*смерть – жизнь, тьма – свет, закат – рассвет, гибель – возрождение*); устойчивыми конструкциями и метафорами вечного возвращения (*вечный круговорот, нет начала и конца, из века в век*), например: *Наступила пасмурная минута, предшествующая обыкновенно рассвету, полной победе света над тьмой* [12]. В данном примере ключевые лексемы связаны с суточным циклом: *рассвет, свет, тьма*. Суточный цикл (*тьма – рассвет*) описывается как символ жизненных, духовных, исторических циклов. *Пасмурная минута* – это кризис, отчаяние, трудности, которые предшествуют прорыву, просветлению (*полной победе света*). Здесь описывается не просто время суток, а критическая точка перехода в цикле (*тьма – свет*), которая всегда наступает перед победой света.

Рассмотрим еще пример: *В один прекрасный день Лямке, перепутав графины перед обедом, по ошибке выпил тройную дозу эликсира, и его биологические часы не только остановились, но и пошли в обратную сторону, причем с такой скоростью, что уже через месяц тридцатипятилетний Карл Федорович в возрасте восемнадцатилетнего безусого юнца ушел из дому куда глаза глядят, унося с собой формулу своего гениального открытия* [12]. В данном примере описывается обратный ход самого фундаментального биологического цикла – цикла старения (*молодость – зрелость – старость*), что транслирует нарушение естественного порядка времени (*биологические часы не только остановились, но и пошли в обратную сторону*). Здесь цикличность времени не природная, а искусственная (*выпил тройную дозу эликсира*), что придает тексту гротеск и идею поиска «вечной молодости».

Таким образом, данный слот является смысловым завершением субфрейма «Циклическое время», переводя идею повторяемости в метафизическую плоскость вечного обновления. Он актуализирует в художественном дискурсе ключевые архетипы (свет/тьма, жизнь/смерть) и связанные с ними смыслы надежды, стойкости и торжества жизни.

Субфрейм 3 «Субъективное время» моделирует индивидуальное, психологически и эмоционально обусловленное восприятие временного континуума персонажем или нарратором, радикально отличающееся от объективного, хронометрического времени. Субъективное время является конструктом сознания, в котором течение времени «сжимается» (ускоряется) или «растягивается» (замедляется) в зависимости от внутреннего состояния (страх, счастье, скука, поглощенность). Эмоциональное состояние персонажа (страх, счастье, скука, ожидание, стресс) является главными индикатором скорости субъективного времени. Время резко замедляется в моменты опасности или ожидания и ускоряется в периоды счастья или поглощенности делом (мгновение длилось вечность, день пролетел незаметно). Данный субфрейм представлен тремя слотами: «скорость времени», «длительность времени», «ценность времени».

Слот «**Скорость времени**» актуализирует динамический аспект субъективного восприятия времени – ощущаемую быстроту или медленность течения времени, вербализуется глаголами движения с метафорической семантикой (*время летело, ползло, мчалось, тащило*), сравнительными конструкциями (*как миг, как вечность*) и наречиями (*стремительно, мучительно медленно*). Например: *Чудилось, Хлудиков и Кузько сейчас взмолятся и начнут выдавать. Но проползла минута, за нею – другая. Тишина окрепла и стала упрямой, как сжатые челюсти* [12]. Ключевая метафора «*проползла минута*» репрезентирует крайнюю степень субъективного замедления времени, обусловленного напряжённым ожиданием. Сравнение тишины со «*сжатыми челюстями*» визуализирует это состояние как статичное, давящее и напряжённое, что и является психологической причиной искажения скорости восприятия.

Слот «**Длительность времени**» реализуется количественной оценкой субъективно переживаемого временного отрезка, который контрастирует с его объективной протяжённостью. Он актуализируется лексемами, обозначающими временные интервалы (*миг, вечность, мгновение, век*), а также прилагательными и наречиями, эксплицирующими оценку их протяжённости (*долгий, краткий, мимолетный, бесконечно*), например: *Каждая минута ожидания будет для меня веком* [12]. В данном примере создаётся гиперболический контраст между объективной (*минута*) и субъективной (*век*) длительностью. Этот приём напрямую объективирует интенсивность душевных страданий персонажа от ожидания,

трансформируя количественную меру в качественную характеристику переживания (*минута ожидания как век*).

Слот «**Ценность времени**» репрезентирует аксиологический аспект восприятия времени, его значимость, уникальность или «стоимость» временного отрезка для персонажа. Он вербализуется лексикой с семантикой высокой стоимости (*драгоценный, бесценный*), утраты (*терять, упустить*) и метафорами финансового обмена (*стоит денег, вложить время*), например: *Показать вам человека, одна минута которого стоит сумасшедших долларов?* [12]. В приведенном примере ценность времени прямо выражена в денежном эквиваленте – *стоит сумасшедших долларов*. С помощью глагола *стоит* выражается прямая экономическая ценность времени, а гипербола *сумасшедших долларов* репрезентирует оценку стоимости и масштаб ценности времени для человека.

Ценность времени связана с эмоциональной значимостью какого-либо момента в жизни, качеством и интенсивностью переживания в этот период, например: *Каждая минута в этом доме казалась ему драгоценной, и он не хотел терять ее* [12]. Ценность времени имеет эмоционально-экзистенциальную природу (*драгоценная*), связанную с уникальностью и насыщенностью переживаний, а мотив «*не хотел терять*» указывает на осознание невосполнимости субъективно значимого времени.

Выводы

Разработана иерархическая фреймовая модель концепта ВРЕМЯ в художественном дискурсе, включающая три взаимосвязанных субфрейма: «Линейное время» (слоты «Необратимость времени», «Непрерывность времени», «Историческое время»); «Циклическое время» (слоты «Повторяемость и последовательность циклов», «Бесконечность циклов») и «Субъективное время» (слоты «Скорость времени», «Длительность времени», «Ценность времени»). Анализ показал, что данная модель репрезентирует основные способы концептуализации времени в художественном сознании как объективного (линейного и циклического) и индивидуально-психологического феномена.

Список источников

1. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11 изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. 564 с.
2. *Боднарук Е.В.* Будущее время в немецкой и английской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительный анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 93. С. 5–23.
3. *Бронникова О.В.* Структурные особенности метаконцепта ВРЕМЯ/TIME // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 778–782.
4. *Иванова Т.* Концепт «время» и языковые модели времени // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков: Сборник статей. Шумен, 2006. С. 140–162.
5. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
6. *Кашлева К.К.* Лексический темпоральный дейксис в когнитивных моделях времени (на материале современного английского и немецкого языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 114–118.
7. *Клыкова Ю.Ю.* Ментальные и образно-ассоциативные значения репрезентантов концепта «время» в поэзии А.С. Пушкина и И.В. Гёте // Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2020. 232 с.
8. *Макаровская Е.В.* Языковые средства выражения времени в поэзии Бориса Пастернака // Дис. канд. филол. наук. М., 2009. 188 с.

9. *Малинская Т.В.* Время и его реализация в темпоральной синтаксеме со значением утренних и вечерних частей суток в произведениях И.А. Бунина // Дис. канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 182 с.
10. *Матвеева Т.В.* Текстовое время // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука, 2003. С. 536–539.
11. *Минский М.* Фреймы для представления знаний. Энергия, 1979. 152 с.
12. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 17.01.2026).
13. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
14. *Рябцева Н.К.* Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 78–95.
15. *Сыромятникова Т.Н.* Темпоральные концепты «Zeit», «Tag», «Nacht» в аспекте их взаимодействия с эмоциональными концептами в художественной картине мира Германа Гессе // Дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 217 с.
16. *Широкова Е.Н.* Полиаспектность художественного времени как средство индивидуально-авторской концептуализации времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2-1. С. 381–385.
17. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

1. *Aleksandrova Z.E.* Dictionary of Russian Synonyms: A Practical Reference: Approx. 11,000 Synonym Rows. Moscow: Russkij Yazyk, 2001. 564 p.
2. *Bodnaruk E.V.* Future Tense in German and English Linguocultures: A Comparative Analysis // Tomsk State University Journal of Philology, 2025. No. 93. P. 5–23.
3. *Bronnikova O.V.* Structural Features of the Metaconcept TIME // Cognitive Studies of Language. 2018. No. 34. P. 778–782.
4. *Ivanova T.* The Concept of “Time” and Linguistic Models of Time // Problems of Cognitive and Functional Description of Russian and Bulgarian Languages: Collection of Articles. Shumen, 2006. P. 140–162.
5. *Karasik V.I.* Cultural Dominants in Language. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. P. 166–205.
6. *Kashleva K.K.* Lexical Temporal Deixis in Cognitive Models of Time (Based on Modern English and German) // Vestnik of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2015. No. 4. P. 114–118.
7. *Klykova Yu.Yu.* Mental and Figurative-Associative Meanings of the Representatives of the Concept “Time” in the Poetry of A.S. Pushkin and J.W. Goethe // PhD of Philology Dis. Cheboksary, 2020. 232 p.
8. *Makarovskaya E.V.* Linguistic Means of Expressing Time in the Poetry of Boris Pasternak // PhD of Philology Dis. Moscow, 2009. 188 p.
9. *Malinskaya T.V.* Time and Its Realization in Temporal Syntaxemes with the Meaning of Morning and Evening Parts of the Day in the Works of I.A. Bunin // PhD of Philology Dis. Mytishchi, 2022. 182 p.
10. *Matveeva T.V.* Textual Time. Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language. Moscow: Flinta, Nauka, 2003. P. 536–539.
11. *Minsky M.* Frames for the Representation of Knowledge. M.: Energiya, 1979. 152 p.

12. National Corpus of the Russian Language (NCRL). – URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed 17.01.2026).
13. *Plungyan V.A.* Corpus as a Tool and as an Ideology: On Some Lessons of Modern Corpus Linguistics // Russian Language in Scientific Study. 2008. No. 2 (16). P. 7–20.
14. *Ryabtseva N.K.* Axiological Models of Time // Logical Analysis of Language. Language and Time. Moscow: Indrik, 1997. P. 78–95.
15. *Syromyatnikova T.N.* Temporal Concepts “Zeit”, “Tag”, “Nacht” in the Aspect of Their Interaction with Emotional Concepts in the Artistic Worldview of Hermann Hesse // PhD of Philology Dis. Voronezh, 2003. 217 p.
16. *Shirokova E.N.* Multi-Aspectuality of Artistic Time as a Means of Individual-Authorial Conceptualization of Time // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2012. No. 2-1. P. 381–385.
17. *Yakovleva E.S.* Fragments of the Russian Linguistic Worldview (Models of Space, Time, and Perception). M.: Gnozis, 1994. 344 p.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 18.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 30.01.2026.